

МИХАИЛ РЯБИЙ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТРОЧКАМИ СЕРГЕЯ КОЗЛОВА

*Трудно быть слепым, но намного
труднее притворяться немым.*

Сергей Козлов “Облака”

Ну, как не согласиться с писателем Сергеем Козловым, когда он пишет в своей книге “Облака”: “Раньше литература была заповедником. Словно я смотрел из-за забора, как прогуливаются по саду самолюбующиеся и веломудрые мэтры. Меня туда не пускали.

Теперь литература – это базар. Пестрый и разноголосый, разноязыкий базар, где все кому не лень суетятся, ваяют на потребу. Теперь – все писатели. Теперь нет читателей.

Я – читатель”.

Правда ваша, Сергей Сергеевич, чтение сегодня, пожалуй, доступно только профессионалам, если, конечно, таковые не увлечены, как большинство остальных, чтивом, да и то делят его с телевидением, Интернетом... Такой читатель, безусловно, отличается от читателя двадцатилетней-пятнадцатилетней давности, не говоря уже о временах более далеких, когда не было достойной альтернативы книге. Да и писатели стали другие. Надеюсь, никто не станет спорить: мы столько можем, сколько знаем... В “заповеднике” было меньше пустозвонства, а романы являлись на книжные полки читателей, как и подобает солидным произведениям, пухлыми и детальными, а главное – дельными! Сегодня предпочтительнее короткие, поскольку их можно быстрее прочесть... да и написать.

Сегодня стали почему-то забывать: настоящая книга – это больше, чем просто проведение времени, это – духовная Вселенная, дарованная нам вечностью. Хорошая книга передается из поколения в поколение. Поэтому чтение стоит над временем и является связующим звеном в эволюции истинной культуры, а не псевдокультуры... У Сергея Козлова по этому поводу в дневниковых записях есть следующее высказывание: “Я знаю наверняка – книгу по ее силе никогда не заменят ни телевизор, ни Интернет, ни любая другая суперсовременная информационная система, потому что в книге есть душа, есть разум, наделенный чувствами. Голая и сжатая информация навязывается не только для ускорения, но и для упрощения. А по сути – для оглупления”.

Сергей Козлов, автор десятков рассказов, нескольких повестей и романов – сам внимательный читатель и опытный психолог: для него самого и его

адресатов нет лучшей практики, чем чтение: больше читаешь, значит, больше изучаешь мир, состоящий не только из материи, но также из того, что было ее началом, если следовать Писанию. Все писатели еще и читатели, причем, читатели искушенные змеиной мудростью до такой степени, что в попытке самовыражения они берут пример с Федора Михайловича Достоевского, сделавшего достоянием читателей свой дневник писателя. Может, для кого-то дневниковые записи слишком интимны, но для самых искренних — чего уж им скрывать, грешным, в своей исповедальности! — всего лишь продолжение мыслей и чувств. Для Сергея Козлова важнее всего выложиться до конца. Его “Облака” поражают нас тонкой наблюдательностью, интимностью и глубиной мысли человека не только думающего, но и немало выстрадавшего. Не оттого ли он пытается пробиться к читателю и вступить с ним в диалог?

И что, скажите, здесь плохого, если люди читают и обмениваются мнениями? Наоборот, это способствует развитию интереса к чтению. Сергей Козлов не похож на старовера, предпочитающего в писательском деле только ручку и лист бумаги. Как всякий современный человек, он продвинутый пользователь Интернета, который так по нраву нашей молодежи, и считает, очевидно, что очень скоро в мировой сети еще более интенсивное развитие получат писательские блоги. Может быть, пока они и не заменяют книги, но уж точно, по крайней мере, вызывают желание познакомиться с авторскими произведениями в печати. Так он в интернетовском городе-филграде занимает довольно-таки широкую улицу и приглашает в гости тех писателей, кто, по его мнению, заслуживает прописки в этой виртуальной реальности.

В книгах Сергея Козлова речь порою заходит о детях-подростках и молодых людях. Они — главные персонажи. Их личность, характер еще не до конца сформированы. Их мир открыт будущему, поэтому интересен вдвойне. Вряд ли кто поверит, если сказать, что проза Сергея Козлова связана со сказочным началом в его творчестве. Но в том-то и дело, что его герои — порою, кажется, излишне жесткие, порою — категоричные или рефлексирующие, интеллектуально-вычурные и совсем простые в обхождении с другими из-за собственной примитивности, — прежде всего люди, страдающие и ожидающие чудесного окончания своим страданиям, какого-то счастливого сказочного конца. Может быть, на самом деле жизнь трагичнее, чем судьбы героев Сергея Козлова именно в тот момент, когда, только привыкнув к ним и даже полюбив их, мы вынуждены уже прощаться с ними. Но, оторвав свой взгляд от книги, мы видим уже наяву похожих людей: так авторская сказка становится реальностью. И вот мы, очнувшись от гипноза писательских идей, продолжаем брести в прежнем направлении, открещиваясь от мыслей писателя-проповедника. Кто-то даже, возможно, ругнется в его сторону: ишь, ты, тоже мне учитель жизни нашелся, напридумал, понимаешь, всяческих фантазий, а ты раслебывай здесь за него... Сами с усами, жизнь прожить — не поле перейти, и никакая книга ее не заменит...

И как объяснишь такому читателю, что и не принуждал его ни к чему писатель Сергей Козлов, а лишь наводил на мысль о том, что где-то в уголке души у каждого из нас есть заповедное место, где хранятся, как в библиотеке на полках книги, страдания и фантазии, мысли и свершившиеся поступки — греховные и добродетельные — наших родителей, дедов и прадедов, все то, что мы определяем как родовую память. И если всколыхнется она в нас после прочтения книги писателя, значит, дошла до нас магия творчества художника — нет... так и на “нет” суда нет, кроме Высшего, разумеется...

Раньше читателя было трудно провести за нос: он чуял за версту графоманов, сейчас сложнее — публика потеряла нюх на истинную литературу. Отечественное просвещение возрастает на органических удобрениях беллетристики, и представители массовой культуры в этом не хотят замечать ничего трагического для нашего общества.

А между тем наша духовная несостоятельность сегодня заключена в простой истине: мы в большинстве своем малограмотные читатели. Можно, конечно, винить время, а можно — себя. Ведь только больные люди обречены на уринотерапию и капрофилию, а художественную литературу нельзя проглатывать не жуя и уж точно — не пробуя на вкус... Но почему же мы, считающие себя нормальными, самостоятельными людьми постоянно поглощаем очередную порцию словесной шизофрении? У кого мы должны учиться Слову, кроме как не у Бога? Наверное, еще и у Его пророков, поскольку они переводят нам

с высокого языка на более привычный нашему скорбному слуху. Истинный, а, следовательно, честный пред нами писатель — не святой, но один из главных таких переводчиков. Он резонер многих духовных откровений. Для этого у него нет необходимости заигрывать с чернью, нравиться читателям, особенно молодежи — не та миссия возложена на него, чтобы удивлять нас бессмысленностью речи: расстройством ассоциаций, скачками мысли, разрушением связанности текста, хаотичностью синтаксических построений, словесной окрошкой. За настоящим писателем стоят судьбы людей и не простая история нашей сегодняшней страны, поэтому чаще всего его собственное “я” отходит в сторону: само древо нашей государственности и нации первостепенней, и настоящему художнику не надо объяснять, что он — лишь часть этого дерева. Вместе с ним мы — не сами по себе; за нами много невысказанного, пережитого многими поколениями. Только как вот отличить истинно страдающую за Россию писательскую душу от поддельной, крестящейся налево и направо по любому поводу, — нашим читателям еще не так просто. Сколько развелось нынче махровых ура-патриотов, перенявших выстраданную народную фразеологию и неплохо зарабатывающих на этом? “По делам их узнаете...” Но ведь истинный гений и страдалец за свой народ никогда не унижится до шаблона, ведь так? Он всегда прилежный ученик, не дающий себе передышки для того, чтобы почивать на лаврах. И он никогда не станет, как когда-то Игорь Северянин, провозглашать себя гением — и уж точно не станет оплевывать своих товарищей по литературному цеху: достаточно одного запаха мускуса, исходящего от его строк, чтобы понять, кто он есть на самом деле...

Если смотреть на писательский труд не сверху вниз, то есть как на ремесло, с помощью которого просто зарабатываются деньги, а снизу вверх, то это даже не труд, а служение Отечеству, подобное пушкинскому. Тот, кто служит по России, не станет настойчиво внушать своим согражданам комплекс вины — за Ленина, за Сталина, за большевиков... Требование всенародного покаяния в грехах, раскаяния в нашей истории повлечет за собой еще один смертный грех — отступничество. Пониманием и любовью можно спастись, но не обвинениями своего народа в страшных преступлениях минувших эпох. К сожалению, не перевелись еще умельцы от пера, внушающие нам, читателям, мысли о том, что мы не смиренны, не покаянны, и нам не об участии в собственной судьбе нужно думать, а об осознании своей греховности. Но русский писатель потому и русский, что не поучает свой народ, а разделяет его страдания и вместе с ним отыскивает единственно правильный путь. Это — совсем иной, гораздо более высокий уровень понимания всего происходящего. А вшивый рынок литературы всегда был, есть, и, как это не прискорбно, наверное, будет. Но он, как это справедливо заметил еще А. С. Пушкин, умеет работать с теми, кто продаётся. Но тот, кто продаётся, тот и покупается. Сегодня одним, а завтра — другим... Если государство не хочет собственного развала, оно должно покровительствовать талантливым творческим силам — писателям-мыслителям. На Руси искони повелось: настоящий художник — это не ремесло, а призвание. Избранничество мастеров немислимо без национального самосознания. Любовь к России не продается, потому-то талантливые и честные художники Слова никогда не были продажными...

Все, совершенное тобой, к тебе же и вернется...